

ODYSSEUS

Man in History

The Subjunctive
Mood in History?

2000

MOSCOW
«NAUKA»
2000

ОДИССЕЙ

Человек в истории

История в
сослагательном наклонении?

2000

МОСКВА
«НАУКА»
2000

ББК 63.3(0)
О 42

Главный редактор
А.Я. ГУРЕВИЧ

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, И.В. ДУБРОВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, В.Н. МАЛОВ,
СВ. ОБОЛЕНСКАЯ (зам. главного редактора), М.Ю. ПАРАМОНОВА,
П.Ю. УВАРОВ (зам. главного редактора), В.И. УКОЛОВА, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
Г.С. ЧЕРТКОВА (ответственный секретарь), А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

кандидат исторических наук О.И. ВАРЬЯШ,
кандидат исторических наук Я.Г. ШЕМЯКИН

Одиссей. Человек в истории. 2000. — М.: Наука, 2000. - 344 с.
ISBN 5-02-010188-5

В сборник входят материалы "круглого стола", проведенного по такой увлекательной теме, как "История в сослагательном наклонении", статьи зарубежных и отечественных авторов, посвященные крупным фигурам или значимым тенденциям в современной науке. Кроме того, публикуются размышления Вяч. Вс. Иванова о путях и судьбах гуманитарных наук в XXI столетии, представлена традиционная для "Одиссея" рубрика "Картина мира в ученой и народной культуре" и др.

Для историков и широкого круга читателей.

ТП-2000-П-№ 17

ISBN 5-02-010188-5
ISBN 5-02-010188-5

© Издательство "Наука", 2000
© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Одиссей. Человек в истории"
(разработка, оформление),
1989 (год основания), 2000

М.А. Чешков

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР

Постулируя сослагательность исторического процесса, мы тем самым признаем такие его черты, как вариабельность и альтернативность, обратимость, возможность выбора со стороны исторических субъектов и полиморфизм. Подобные свойства выявлялись ранее преимущественно средствами философии, которым при всей их значимости свойственна определенная ограниченность: философия втискивает историческую сослагательность в рамки жесткого противопоставления детерминированности - вероятности, необходимости - случайности, активности и творческой деятельности субъекта - его же ограниченности объективными условиями. На основе таких дихотомий историческая сослагательность или исключалась детерминированностью и действием объективных законов, или же, напротив, утверждалась, обретая основания в недетерминированности, случайности, гипертрофии роли субъекта. В любом случае она получала однозначное и достаточно плоское толкование.

Историческая наука, обратившись к идее альтернативности сначала на Западе, а гораздо позже и в Советском Союзе, стремилась выйти из рамок философских дихотомий и в какой-то мере ей это удалось; во всяком случае альтернативность стала представляться всеобщим свойством общественного развития. Заметим, однако, что признание альтернативности не означает признания сослагательности развития: первое из этих качеств вполне мыслимо без второго, как и наоборот. К тому же в профессионально-историческом толковании - в порядке реакции на жесткость философских рамок — часто наблюдается сведение феномена сослагательности к его чисто эмпирическому бытию. Такая редукция проявилась, например, в структуре отечественного исторического знания 70-х годов, когда вариабельность и альтернативность не включались в предмет высоких — надформационного и формационного - уровней теоретической абстракции, но размещались лишь на ступенях, которые по своему предмету и силе абстракции располагаются ближе к конкретным историческим реалиям.

Таким образом, представления об исторической сослагательности постоянно оказываются между Сциллой философских дихотомий и Харибдой исторической эмпирики, а уровень исторической теории, адекватной данному феномену, остается в принципе не определенным. Поэтому в обьденном (в том числе научном) сознании устойчивой остается оппозиция представлений: "История, как известно (!), не знает сослагательного наклонения" или "История есть сослагательность".

Подобная эпистемологическая ситуация сохранялась и преобладала до конца 70-х - начала 80-х годов. Со становлением постнеклассической или так называемой Новой науки¹ положение существенно изме-

нилось. Ее основными постулатами выступают ключевая роль субъекта познания с его ценностями и установками, в связке с которым берется объект познания; отказ от противопоставления или взаимоисключения полярных понятий, таких, как необходимость — случайность, обратимость — необратимость (в том числе по отношению к историческому времени) и т.д. На этих принципах строится новая научная картина мира как целостного и в то же время разнородного, расчлененного и взаимосвязанного (по принципу "все во всем").

Для понимания разнородности мира важен принцип сверхсложности, который наиболее полно был разработан Э. Мореном в начале 90-х годов. Согласно ему, сознание и бытие человека и человечества находятся в процессе усложнения (*complexification*), а проявлениями данного процесса являются усложнение всех видов взаимосвязей и взаимоинтерференций между возрастающим числом взаимодействующих единиц; рост неопределенности и организованности систем; развитие предстает здесь как функция самоорганизации и ее важнейших измерений - автономности, индивидуализации, богатства отношений². Такая парадигма позволяет, на наш взгляд, искать более глубокие предпосылки и основания исторической сослагательности, нежели те, что выявляются собственно исторической наукой, они намного тоньше и богаче по сравнению с постулатами философского знания.

Парадигма сверхсложности как методологическое основание исторического знания вообще и исторической сослагательности в частности объединяет в поисках решения проблемы сослагательности усилия различных дисциплин *общенаучного порядка*. Мы имеем в виду не только систематику, но и такие сравнительно новые отрасли знания, как диатропика и синергетика. С точки зрения диатропики, разнообразие условий само по себе может быть понято как *причина* развития³. Что же касается синергетики, то пути решения проблемы сослагательности намечены в работах Г. Хаккена и И. Пригожина. Их исследования послужили основанием для того, чтобы рассматривать сослагательность как феномен *нелинейного развития*, в рамках которого это явление может быть плодотворно понято с помощью теории диссипативных структур, концепции "порядка через флуктуации", понятий точек, зон и каскада бифуркаций. Эти представления получили развитие в работах отечественных авторов и специально в сфере исторического знания (Г. Малинецкий⁴). Тем самым идея сослагательности была увязана с состоянием различных социальных систем и в меньшей мере - с деятельностью индивида. Эти же идеи позволяют перебросить мостик между общими свойствами социальных объектов и идеями альтернативного ("другого") развития.

Синергетические концепции, и шире - междисциплинарный подход, органически включающий идею самоорганизации, выводят сослагательность к анализу хаоса. Представление о хаосе как особо сложной форме порядка оказывается продуктивным, ибо позволяет рассматривать

самые сложные варианты сослагательности, различаемые как по порядку сложности, так и по субъектам этого "наклонения". Подчеркнем, что философские, общенаучные и "частнонаучные" представления относительно проблемы сослагательности как бы кумулируются в изучении этой темы. Например, идея множественности социального времени Ф. Броделя резонирует с представлением о множественности времени в работах И. Пригожина и с философской концепцией/образом времени-пульсара. Все это вместе взятое не только возвращает понимание сослагательности к философскому знанию, но и предполагает его "союз" с образным познанием.

Следует, однако, отметить, что эти новации не снимают вопроса о различии альтернативности в ее реальном историческом содержании, с одной стороны, и в идеологическом или мировоззренческом смысле, с другой. Например, если видный систематик Э. Ласло применяет понятие бифуркации к мировому развилу⁵, то это не вызывает возражений, когда речь идет о становлении постколониального мира по отношению к мировому капитализму. Когда же мировой социализм определяется им как альтернатива капитализму, то здесь идея бифуркации оказывается уже недостаточно точной, ибо в ней не могут быть разведены членения исторического и идеологического порядка. Это свидетельствует о том, что применение синергетических категорий не может быть механическим. Так, идеи бифуркации и альтернативности, безусловно полезные, теряют свою силу и при анализе множественности различных вариантов развития. В этих условиях направление вектора сослагательности становится неясным.

Сопоставляя различные виды знания применительно к нашей проблеме, можно весьма схематически нарисовать такую гносеологическую цепочку, в которой идея *сложности*, логически увязана с представлениями о *неопределенности* и далее - *вероятности* исторического процесса. В плане же онтологическом мы получаем, соответственно этим звеньям, характеристики *предпосылок* (сложность и неопределенность) и *оснований* (вероятность) исторической сослагательности. *Причиной* же, генератором этого феномена предстает, на наш взгляд, активный, творящий субъект, совершающий свой выбор, вектор которого определяется его деятельностью и лишь (!) обусловлен объективно данными обстоятельствами. Роль субъекта (агента, актора) есть, на наш взгляд, решающий фактор исторической сослагательности, особенно в такой ситуации, где субъект стимулирует развитие, или не имеющее предпосылок в историческом опыте, или выходящее за наличные условия бытия - короче, так называемое эмерджентное развитие. Итак, историческая сослагательность реализуется субъектом двояко - через выбор наличных вариантов и через сотворение таковых.

Уясняя феномен сослагательности, можно принять следующую гипотезу: чем выше порядок сложности объекта, тем выше уровень неопределенного, вероятностного и случайного в его развитии. Иначе говоря, можно предположить существование позитивной связи между

сложностью объекта и степенью сослагательности его развития. Такая позитивная связь имеет, разумеется, не прямой, но опосредованный характер, а значит, предполагаемая зависимость между сложностью и сослагательностью реализуется далеко не автоматически. Например, высокая степень сложности до определенного предела воздействует на вероятность позитивно-однозначно, связь же между вероятностью и сослагательностью, хотя также позитивна, но многозначна. Отметим еще раз, что данную гипотезу надо уточнить в ее исходном пункте, различая и "порядки" сложности, и ее отдельные параметры (особенно разнообразия и различия).

Эту общую гипотезу мы попытаемся проверить на материале так называемого развивающегося мира, каким он предстает во второй половине XX в. Это образование нельзя считать историческим продолжением доколониального Востока, так как оно сложилось в ходе становления всемирной истории (XVI—XX); в этом процессе сформировалась и структура мировой истории, дифференцированная на объект и субъект. Развивающийся мир в его различных исторических формах - Третий мир, Юг, Незапад — есть образование, выполняющее в мировой истории роль объекта и обладающее такими конститутивными для него признаками, как десубъектность, массоподобность, периферийность (вторичность, производность). Впрочем, эти свойства (гены), определившие генезис данной *мироисторической общности*, содержат и иные "заряды" (антигены), которые стимулируют тенденции к субъектности, системности, автономности. Говоря коротко, эта мироисторическая общность обладает дуалистическим генотипом⁶.

Применяя нашу гипотезу к этой общности, мы тут же сталкиваемся с неожиданностью: высокий уровень сложности (особенно - разнообразия состава) отнюдь не коррелирует здесь со столь же высоким уровнем исторической сослагательности; уровень последней оказывается значительно ниже, чем это можно предполагать, исходя из разнообразия состава (=сложности) данной общности. Мы наблюдаем определенную асимметричность между предпосылками сослагательности и ее реализацией.

Конечно, отрицать эпизодическое возникновение внутри этой общности различных вариантов развития невозможно. Вариабельность, а значит и вероятность хода событий, отличного от реализовавшегося на практике, можно отметить на примере выбора путей развития Египтом, Китаем и Индией в 50-е годы нашего века. Впрочем, оставим в стороне Китай, где возможность выбора модели развития, отличной от советской, и вероятность следования по иному пути (скажем, близкому югославской модели) кажется чисто гипотетической. Напротив, в случае Индии речь шла о реальном выборе из двух равно возможных вариантов развития (условно — прозападного и национального), при наличии определенных шансов третьего, гандистского варианта. Примерно те же Два основных варианта намечались и в Египте.

Но реальное альтернативное развитие можно констатировать лишь в Иране 1979 г. Здесь прозападный вариант модернизации столкнулся с фундаменталистско-теократической альтернативой, при слабости национального варианта. Возможно, что на Кубе рубежа 50-60-х годов намечалась альтернативность в русле некоего эмерджентного пути развития; то же, и даже в большей степени, можно сказать о Никарагуа 70-х. Во всех этих случаях сослагательность, безусловно, присутствует, но чаще мы имеем дело или с детерминированностью (Китай), или с вероятностью (Египет, Индия). Деятельность субъектов соответственно кажется обусловленной, детерминированной и лишь в редких случаях, в порядке исключения, предстает силой творческой, созидающей не заданные историей пути развития.

Если это описание верно, то зависимость между сложностью объекта и сослагательным наклонением его развития не выглядит позитивной, что расходится с нашей гипотезой. Следовательно, или гипотеза неверна, или мы недостаточно корректно применяем ее к такому объекту, как развивающийся мир, или, идя далее, она вообще не применима к подобным объектам. Разберем второе предположение.

Уточним для начала представление о сложности объекта, ведь именно это свойство понимается как важнейшая предпосылка или условие сослагательности. В развивающемся мире мы имеем дело с таким очевидным проявлением сложности, как разнородность или даже разнотипность состава, но вряд ли здесь уместно говорить о сложности как богатстве отношений между компонентами целого и тем более о таком ее параметре, как индивидуализация. Вызывает сомнение и наличие другого параметра — автономности элементов системы, ибо вряд ли мы имеем здесь дело с внутренней упорядоченностью и специализацией подсистем этого целого, каковые предполагает понятие автономности. Поскольку вероятность и/или случайность понимаются как свойство так называемых простых сложных систем, автономность - как качество самоорганизующихся систем, а нелинейное развитие - как качество сверхсложных систем, склонных к самоорганизации, то остается признать, что развивающийся мир обладает сложностью первого порядка, т.е. предстает как достаточно простая сложная система. В такой системе элементы максимально независимы и равноправны, а ее структура хаотична (в нашем случае - дуалистична), и все это - адекватное основание случайности. Ныне развивающийся мир, трансформируясь, вырабатывает сложность второго порядка, но он далек от самоорганизующейся сложности.

Если эти поправки к представлению о сложности нашего объекта обоснованны, то предпосылки сослагательности вовсе не так уж значительны, а сам этот феномен выглядит, скорее, продуктом случайности, чем вероятности или варибельности (если разводить понятия вероятности и случайности). Хотя уточнение параметра сложности в целом совпадает с теоретической характеристикой развивающегося мира как

образования массоподобного и периферийного, в стороне остается фундаментальный вопрос: есть ли это объект системного класса или, точнее, становится ли он таковым в ходе воспроизводства и трансформации? Этот вопрос выходит за рамки идей сложности и нелинейности, да и всего арсенала синергетики, применяемых к объектам только системного класса...

Еще в большей мере необходимо уточнить специфику субъекта, этого непосредственного носителя сослагательности. Здесь, пожалуй, наиболее значимым обстоятельством является та роль, которую играет развивающийся мир в мировой истории, - роль *объекта*. Отсюда - подавление творческого потенциала субъекта и склонность его к имитации чужого исторического опыта, что лишь в определенной мере блокируется или компенсируется его стремлением к поиску "самости", предстающей, скорее, как культурная, нежели историческая, самобытность. Именно в этом пункте, где речь идет не об условиях или основаниях, но о *генерировании* сослагательности, развивающийся мир оказывается в самом худшем положении.

Таким образом, можно заключить, что третьемирский парадокс - высокая сложность и низкая сослагательность - вполне объясним, если признать, что здесь мы имеем дело с низкой степенью сложности (или так называемой простой сложностью) и низким же уровнем творческой активности субъекта. Приходится учитывать то, что развивающийся мир творит историю по трем различным, если так можно сказать, лекалам: следуя собственной исторической традиции, нарушенной колониализмом и ныне так или иначе восстанавливаемой; по нормам западной модернизации; наконец, - в перспективе глобализирующегося человечества, т.е. истории общечеловеческой, преодолевающей ограниченность социальной ветви универсальной эволюции. Поэтому ныне субъект исторической трансформации развивающегося мира находится в ситуации крайне сложного, многозначного и мучительного выбора между тем, что можно назвать историей "для себя" и историей "для человечества" (если принять, что время истории, творимой по образцу Запада, прошло).

Поскольку сослагательность в исторической эволюции развивающегося мира тесно переплетена с тем же измерением всеобщей и глобализирующейся истории человечества, то есть основание применить нашу общую гипотезу и к нынешнему состоянию человечества как целого. Процессы глобализации, особенно последних десятилетий XX в., придают человечеству вид объекта сверхсложного класса. Однако такое состояние есть лишь необходимое, но далеко не достаточное условие для реализации сослагательности. К тому же представление о человечестве как сверхсложной системе требует некоторых уточнений: неясно, является ли данный объект действительно системой или же было бы точнее определять его более широким термином "совокупность" (Н. Кондратьев). При этом надо учитывать, что и системность может быть разных видов (моносистема, полисистема), а система может включать в свой состав образования несистемного класса (конгломера-

ты, мозаичные общности, неопределенные множества). Явно недостаточно и понимание данного объекта как социальной системы, как, впрочем, и социозкосистемы, ибо оба толкования не выражают, на наш взгляд, интегральной сущности (или структуры) данного образования. Отметим также, что акцент на принципе самоорганизации затушевывает активность субъекта, роль которого представляется все более необходимой для эволюции человечества. Ситуация усложнена и тем, что если в роли субъекта все более востребуется человечество как целое, то на исполнение этой роли претендует бесконечное число агентов и акторов. Противоречие между субъектом как целым и как частичным (групповым, индивидуальным), особенно свойственное эпохе так называемой информационной революции (М. Эпштейн), усиливается взрывом исторического полиморфизма, т.е. возрождением, восстановлением исторических и доисторических (архетипических) форм, ранее подавленных ходом мировой истории и ее субъектом-гегемоном ("Запад"). Многие из этих форм основываются на социоприродных отношениях (этнос, род и пр.), что стимулирует оживление у подобных субъектов не только свойств традиционной культуры, но и докультурных качеств. Поэтому хотя активизация субъекта (или, вернее, носителей субъектности) и усиливает сослагательность развития, но такая сослагательность несет в себе новые возможности попятного хода истории, что делает разнообразие, присущее сверхсложным системам, избыточным, дисфункциональным и даже опасным для человечества в целом. В такой ситуации выбор путей эволюции, стоящий перед человечеством как целостным субъектом, приобретает особую остроту: различные стратегии, ориентированные на выживание, сталкиваются с поисками принципов и форм деятельности, сторонники которых (движения альтернативные, женские, экологические и т.п.) хотят всего лишь "повысить ставки", т.е. обеспечить себе подобным не только выживание, но всю полноту Жизни. В этих условиях выбор может быть любым, но точно так же его может и не быть; любое будущее возможно, но точно так же возможна и... невозможность будущего; поэтому историческая сослагательность приобретает трагический смысл.

¹ См. Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992.

² *Morin E. Introduction a la pensee complexe. P., 1990* (цит. по: *Provisor H. L'ambition de faire l'histoire. P., 1998. P. 274*).

³ См. об этом: *Чайковский Ю.В. Элементы эволюционной диатропики. М., 1990*.

⁴ *Катица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997*.

⁵ *Ласло Э. Век бифуркации: Постигание изменяющегося мира // Путь, 1995, № 7*.

⁶ Подробнее см.: *Чешиков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999. С. 195-217*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ?

<i>П.Ю. Уваров</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
<i>К.В. Хвостова</i> СОВРЕМЕННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (Роль многозначной логики)	10
<i>М.А. Чешков</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА И РАЗВИВАЮЩИЙСЯ МИР	14
<i>Л.И. Бородкин</i> ИСТОРИЯ, АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ И ТЕОРИЯ ХАОСА	21
<i>А.В. Оболонский</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ КАК ОБЪЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	27
<i>С.А. Экиштут</i> КОНТРАФАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ, РАЗВИЛКИ И СЛУЧАЙНОСТИ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	33
<i>И.Н. Данилевский</i> СОБЛАЗН АЛЬТЕРНАТИВЫ	37
<i>А.Л. Юрганов</i> СВОЙСТВО ПОЗНАНИЯ, А НЕ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	40
<i>В.Д. Назаров</i> СОСЛАГАТЕЛЬНОСТЬ СОСЛАГАТЕЛЬНОСТИ РОЗНЬ	42
<i>О.А. Ржешевский</i> УЧЕННЫЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ О ВИРТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	45
<i>М.Ю. Пармонова</i> ИСТОРИЯ В СОСЛАГАТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ: ПОВОД ДЛЯ БЕСЕДЫ ИЛИ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА? Опыт современной германской историографии	47
<i>Д.Э. Харитонович</i> МЕТОДОЛОГИЯ И НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ	50

<i>А.Я. Гуревич</i>	
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ: БЕСЧИСЛЕННЫЕ ПОТЕРИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ	53
<i>ДИСКУССИЯ</i>	58
<i>Л.М. Баткин</i>	
СТРАННАЯ ТЮРЬМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	64
<i>П.Ю. Уваров</i>	
РАЗВИЛКИ И ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ, АЛЬТЕРНАТИВЫ И СЛУЧАЙНОСТИ (Попытка инвентаризации)	78

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>Вяч.Вс. Иванов</i>	
СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ СРЕДИ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ В XXI СТОЛЕТИИ	86
<i>Мартин Дингес</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕРЕЗ ТЕОРИЮ "СТИЛЯ ЖИЗНИ" К "КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ"	96
<i>А.Я. Гуревич</i>	
ПОДВОДЯ ИТОГИ	125
<i>В.И. Стрелков</i>	
К ОНТОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА	139

КАРТИНА МИРА В УЧЕНОМ И НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Найтхард Бульст</i>	
ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. Социальные и религиозные реакции на эпидемии чумы в позднее средневековье	152
<i>П.В. Крылов</i>	
МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЖАННЫ Д'АРК: НЕСЛЫХАННАЯ ДЕРЗОСТЬ ИЛИ ВЫНУЖДЕННЫЙ ШАГ?	186
<i>А.Л. Юрганов</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ	194

ОБРАЗ "ДРУГОГО"

<i>О.А. Савельева</i>	
ОБРАЗ "ЧУЖОГО" В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. К проблеме этноконфессиональной самоидентификации	207

В.К. Ронин

КОЛОНИАЛЬНЫШ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА РУССКИХ
ЭМИГРАНТОВ (20-30-е годы XX века) 223

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Каравашкин. Харизма царя. Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (рец. на кн.: Б.А. Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998) 257

Л.А. Пименова. Как человек становится революционером? (рец. на кн.: Э.Х. Лемэ, Э. Патрик, Ж. Феликс. Революционеры за работой. Учредительное собрание, 1789-1791. Оксфорд, 1996; Т. Тэкетт. Становясь революционером: депутаты Национального собрания Франции и возникновение революционной культуры. Принстон, 1996) 275

И.К. Стаф. Роже Шартье: итог двух десятилетий (рец. на кн.: Р. Шартье. На краю обрыва. История между уверенностью и беспокойством. Париж, 1998) 288

Вокруг книги А.Л. Юрганова "Категории русской средневековой культуры"

А.Я. Гуревич. Из выступления на защите докторской диссертации А.Л. Юрганова 295

И.Н. Данилевский. Продолжение разговора с другом 302

Summaries 316

НАШИ ЮБИЛЯРЫ 322

Юбилей Светланы Валериановны Оболенской 322

К 80-летию Георгия Степановича Кнабе 325

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Умер Андрей Григорьевич Тартаковский 330

Памяти философа 333

CONTENTS

HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD?

<i>P.Yu. Uvarov</i> INTRODUCTION	5
<i>K.V. Hvastova</i> THE MODERN EPISTEMOLOGICAL PARADIGM IN HISTORICAL RESEARCH (The role of polysemic logic)	10
<i>M.A. Cheshkov</i> THE HISTORICAL SUBJUNCTIVITY, THE POST-NON-CLASSICAL SCIENCE AND THE DEVELOPING WORLD	14
<i>L.I. Borodkin</i> HISTORY, THE ALTERNATIVE AND THE CHAOS THEORY	21
<i>A.V. Obolonsky</i> HISTORICAL JUNCTIONS AS THE SUBJECT-MATTER OF THE ALTERNATIVE HISTORY	27
<i>S.A. Ekshtut</i> COUNTERFACTUAL MODELLING, JUNCTIONS AND THE FORTUITOUS IN RUSSIAH HISTORY AND CULTURE	33
<i>I.N. Danilevsky</i> THE TEMPTATION OF THE ALTERNATIVE	37
<i>A.L. Yurganov</i> A PECULIARITY OF COGNITION RATHER THAN A CHARACTERISTIC OF THE HISTORICAL PROCESS	40
<i>V.D. Nazarov</i> NOT ALL SUBJUNCTIVITIES ARE THE SAME	42
<i>O.A. Rzheshhevsky</i> BRITISH SCHOLARS ON VIRTUAL HISTORY	45
<i>M.Yu. Paramonova</i> HISTORY IN THE SUBJUNCTIVE MOOD: A TALKING SUBJECT OR A SCIENTIFIC ISSUE? On the contemporary german research	47
<i>D.E. Haritonovich</i> THE METHODOLOGY AND THE MORAL MEANING OF THE ALTERNATIVE HISTORY	50

CONTENTS

<i>A.Ya. Gurevich</i>	
CULTURAL HISTORY: COUNTLESS LOSSES AND WASTED CHANCES	53
<i>DISCUSSION</i>	58
<i>L.M. Batkm</i>	
THE HISTORICAL NECESSITY, A WEIRD PRISON	64
<i>P.Yu. Uvarov</i>	
JUNCTIONS AND DICE, ALTERNATIVES AND FORTUITIES (An attempt at stock-taking)	78

THE HUMANITIES' ISSUES

<i>Vyach. Vs. Ivanov</i>	
PLACE CULTURAL SEMIOTICS INSIDE THE HUMANITIES OF THE XXI ST CENTURY	86
<i>Martin Dinges</i>	
HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND SOCIAL HISTORY: VIA THE "LIFESTYLE" THEORY TOWARDS THE "CULTURAL HISTORY OF EVERYDAY LIFE"	96
<i>A.Ya. Gurevich</i>	
SUMMING UP	125
<i>V.I. Strelkov</i>	
NOTES ON THE ONTOLOGY OF A HISTORICAL TEXT: SOME ASPECTS OF F.R. ANKERSMIT'S PHILOSOPHY OF HISTORY	139

THE IMAGE OF THE WORLD IN THE LEARNED AND THE POPULAR MIND

<i>Neithard Bulst</i>	
THE VENERATION OF SAINTS DURING THE PESTILENCE. Social and religious reactions on pest epidemics in late middle ages	152
<i>P.V. Krylov</i>	
JEANNE D'ARC'S MANLY DRESS: AN EXTRAORDINARY EFFRONTERY OR A FORCED MEASURE?	186
<i>A.L. Yurganov</i>	
FROM THE HISTORY OF THE TABOO VOCABULARY	194

THE IMAGE OF THE "OTHER"

<i>O.A. Savelyeva</i>	
THE IMAGE OF THE "STRANGER" IN THE OLD-BELIEVERS' FOLKLORE. To the problem of ethno-confessional self-identification	207

V.K. Ronm

COLONIAL MEMOIRS, DIARIES, AND LETTERS BY RUSSIAN
EMIGRANTS (of the twenties and thirties of the 20th century) 223

BOOK REVIEWS

Tsar's charisma. The medieval concept of power as the subject matter of semi-
otic interpretation (*A.V. Karavashkin's* review of B.A. Uspensky's "Tsar and
Patriarch: The Charisma of Power in Russia". Moscow, 1998) 257

How does a man become a revolutionary? (*L.A. Pimenova's* review of: E.H.
Lemay, A. Patrick, and J. Felix's "Revolutionaries at work. The Constituent
Assembly, 1789-1791". Oxford: Voltaire Foundation, 1996, 144 p.; T. Tackett's
"Becoming a Revolutionary. The Deputies of the French National Assembly and
the Emergence of a Revolutionary Culture (1789-1790)". Princeton: Princeton
University Press, 1996. 355 p.) 275

Roger Chartier: Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquietude.
Paris: Albin Michel, 1998. 293 p. (Review by *I.K. Staf*) 288

About A.L. Yurganov's "Categories of Russian Medieval Culture"

A.Ya. Gurevich. From the remarks concerning A.L. Yurganov's doctoral
dissertation 295

I.N. Danilevsky. Continuing the discourse with a friend 302

SUMMARIES 316

OUR JUBILEERS 322

Svetlana Obolenskaya's Jubilee 322

Towards Georgy Knabe's eightieth anniversary 325

IN THE MEMORY OF LOST 330

Dead is Andrey Tartakovsky 330

In memoriam philosophi 333